

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

ДАННИК РУССКОГО ЯЗЫКА

Владимир Иванович Шемшученко родился в 1956 году в Караганде. Окончил Киевский политехнический институт, Норильский индустриальный и Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России, Союза писателей Казахстана. Автор 13 книг стихов. Награждён медалями Ф. Тютчева, В. Шукшина. Лауреат международных и всероссийских премий, в том числе премий журналов «Наши современник», «Москва» и др. По итогам II открытого Всероссийского конкурса поэзии в доме-музее И. Северянина назван «Королём поэтов». Главный редактор Международного литературно-художественного журнала «Всерусский соборъ» и газеты «Небесный всадник». Заместитель шеф-редактора «Литературной газеты». Живёт во Всеволожске.

Слышащий — да услышит.
Видящий — да узрит.
Пишущий — да напишет.
Глаголющий — повторит.

Всяк за своё — ответит.
Каждому — свой черёд.
СЛОВО, если не светит —
Запечатает рот.

Пуля — она не дура,
А Провиденья рука.
Да здравствует диктатура
Русского языка!

Петь не умеешь — вой.
Выть не умеешь — молчи.
Не прорастай травой,
Падай звездой в ночи.
Не уходи в запой.
Не проклинай страну.
Пренебрегай толпой.
Не возноси жену.
Помни, что твой кумир —
СЛОВО, но не словцо...
И удивлённый мир
Плюнет тебе в лицо.

Машина времени

1

Украинская ночь домашним
пахнет хлебом.
Здесь время не идёт, а тянется,
как мёд.
На капли молока, пролитые
на небо,
Во все глаза глядит ленивый
старый кот.

(Его пра-пра-пра-пра...
мурлыкал фараонам).
Он по-кошачьи мудр.
Он доктор всех наук.
По одному ему лишь ведомым
законам
Он выскользнуть сумел
из цепких детских рук.

Он знает, почему туман сползает
с кручи
И то, о чём поют метёлки
тростника.
А я у костерка под ивой
неплакучей
Никак не разберусь — зачем
течёт река?

Динь-динь, динь-динь, динь-
динь — проснулся сторожок!
(Похоже, крупный лещ
польстился на наживку...)
Удилище — в дугу! Он сам
себя подсёк!
Я вывожу его... как кралю,
на тропинку.

И вот он — золотой! Наверно,
в два кило...
Танцует на песке последний
в жизни танец...

Украинская ночь вздыхает
тяжело,
И на её щеках — предутренний
румянец.

Лизнула сапоги неспешная
волна,
И лещ — пошёл, пошёл,
качаясь с бока на бок...
Иди — мне жизнь твоя сегодня
не нужна.
И сладок этот миг, и ветер
тёплый — сладок.

2

Наливаются яблоки, ветви
пригнув до земли.
После долгих дождей в полный
рост поднимаются травы.
Дядька в Киеве верит, что воду
в Днепре москали
Отравили не корысти ради,
а ради забавы.

Украинская полночь
для дядьки — тиха и темна —
Лучше времени нет
перепрыгивать польское сало...
А ко мне в полнолуние приходит
Олесь Бузина,
И вселенской тоской
от Обводного тянет канала.

Он садится за стол, и усмешкой
коверкает рот,
И с пустого листа откровенья
наотмашь читает...
Дядька в Киеве верит, тоску
буряковую пьёт
И из сердца (меня!) пятернёй
на паркет выжимает.

Опустилась на кончик пера
Паутинка ушедшего лета...
Никогда столько синего цвета
В небесах я не видел с утра.

Только свет и полёт мотылька —
Ни истерик тебе, ни мистерий...
Я — смиреннейший подмастерье,
Данник русского языка!

Церковь

1

Засиженная вороньём,
Насквозь продутая ветрами —
О нашем, а не о своём
Скорбит глухими вечерами.

Вне времени и суеты,
Не исчерпав великой силы —
Молитвенно сложив персты,
Взывает к совести России.

2

В предчувствии первого снега
Трепещет больная душа.
И ночь хороша для побега,
И вольная мысль хороша.

Бреду по сиротской дороге
Под мертвенным светом луны...
Мы все вспоминаем о Боге,
Когда никому не нужны.

Ладога и Онега

Ладога и Онега —
За горизонт волна.
С берега или брега
Утром звезда видна.

Ладога и Онега —
Вера, любовь и грусть...
Снега! Побольше снега!
Это зовётся — Русь!

Сёстрам милосердия

Отступили дожди. Подоспели
снега.

Город, словно подранок,
притих на болоте.

Ах, как хочется нынче
пуститься в бега

На машине, на поезде,
на самолёте!

Но куда я уеду, уйду, улечу,
Если рвут тишину голоса
«неотложек»?!

Как в глаза посмотрю медсестре
и врачу,
На мадонну блокадную чем-то
похожих?!

И пускай гимнастёрок не носят
они,

И шинелей солдатских не знают
их плечи —

Но в больницах проводят
и ночи, и дни,

И от этого жить нам становится
легче.

Подбираю слова и найти
не могу,

Чтоб не звякнула в строчке
фальшивая нота...

Я пред ними теперь
в неоплатном долгу —

Состраданье в наш век —
непростая работа.

По украинскому тракту —
Русские голоса...

Можно фасеточным зреньем
Видеть горячечный бред
И не считать преступленьем
То, что страны твоей нет...

Родине

Осень. Звон ветра. Синь
высоты.
Тайнопись звездопада.
Если на кладбищах ставят
кресты,
Значит, так надо.

Значит, и нам предстоит
путь-дорога
За теплохладные наши дела.
Скольких, скажи, не дошедших
до Бога
Тьма забрала?

Скольких, ответь, ещё водишь
по краю,
По-матерински ревниво любя?
Я в этой жизни не доживаю
Из-за тебя!

Из-за тебя на могилах трава —
В рост! — где лежат друзья...
Но истина в том, что не ты права,
А в том, что не прав я.

Бессмысленно бывшее ворошить —
Пока я к лучшей участи
стремился,
Двадцатый век оттяпал полдуши
И треть страны, в которой
я родился.

И я тому, признаюсь, очень
рад —
Похерив все небесные глаголы,
Хохлы не прикрывают куцый
зад,
И близятся костры Савонаролы.

Приветствую тебя,
Средневековье!
Мне обжигает лоб печать твоя!
Я жгу стихи, мешаю пепел
с кровью
И смазываю петли бытия.

О, как они скрипят!
Послушай, ты,
Бегущий мимо к призрачному
раю!
Я для тебя — в лохмотьях
красоты —
На дудочке поэзии играю.

Не начавшись, закончилось
лето —
Льют дожди день и ночь
напролёт.
Дистрофичной полоской
рассвета
Перечёркнут вдали небосвод.

Не июнь, а какая-то мука!
Я готов согласиться на снег!
Приплывала знакомая сука —
Западенских кровей человек:

Ротик пухленький, злые
ресницы,
Из глазёнок вода в три ручья!
Предлагала валить за границу —
Там свидомые наши друзья...

Укатила, назвав (меня!) — диким!
Не поспоришь — своё есть своё...
Я собрал ей в дорогу клубники,
Ведь улитки так любят её!

Украина

Подтаявший снег провалился
в теплицу,
Вконец отлежав за полгода бока,
Уверен — ему там неплохо
лежится —
Вороны не топчут, и нет
сквозняка.

А мне почему-то сегодня
не спится,
Сиж у окна и гляжу в темноту...
Лежит на боку в огороде теплица,
Неловко коленки прижав
к животу.

Фонарь на столбе, как замёрзшая
птица, —
Дрожит на ветру и не может
взлететь...

Лежит на боку в огороде теплица
И даже не хочет чего-то хотеть.

И надо же было такому
случиться!
Увидит разор, закручинится
мать...

Лежит на боку в огороде теплица,
Ей снится, что кто-то идёт
поднимать...

Ты жил в тепле с красивою
женой.
Я выживал наперекор судьбе.
Ты много лет смеялся
надо мной.
А я был рад, что весело тебе.

Ты разучился отдавать долги.
Я научился терпеливо ждать.
Ты бросил дом, когда пришли
враги.
А я тебе отдал свою кровать.

Ты ненавистью метишь путь
земной.
Я всё тебе простил, и мне легко.
Ты зря топор заносишь
надо мной —
Я тень твоя, а солнце высоко...

Остывают страны, народы
И красивые города.
Я плыву и гляжу на воду,
Потому что она — вода.

А она и саднит, и тянет,
Словно соки земные луна...
Жду, когда она жить устанет
Или выпьет меня до дна.

Из какого я рода-племени?
Кто забросил меня сюда?
Скоро я проплыву мимо времени,
Опрокинутого в никогда...